

DOI 10.15826/izv2.2018.20.4.072
УДК 94(495) + 94(560)“1438” +
+ 929 Мурад (560)*2

Т. В. Куш
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ОСМАНСКИЙ ПОХОД НА КОНСТАНТИНОПОЛЬ В 1438 г.*

В статье рассматривается история несостоявшегося в 1438 г. похода османского султана Мурада II на Константинополь. Исследование опирается на сообщения византийских историков Георгия Сфрандзи и Сильвестра Сиропула и кастильского путешественника Перо Тафура. На основе анализа источников автор статьи характеризует византийско-османские отношения в 1430-е гг. и определяет роль турецкого фактора в контексте переговоров Византии с Западом об объединении церквей. Исследование показало, что османы планировали нападение в 1438 г. на Константинополь с целью сорвать эти униятские переговоры. Отъезд императора Иоанна VIII Палеолога на Ферраро-Флорентийский собор в ноябре 1437 г. вызвал недовольство султана, который опасался политического сближения греков с западными странами. Согласно источникам, поход не состоялся, так как великий визирь Халил-паша убедил султана отказаться от этого плана. Автор статьи предполагает, что Мурада II останавливали от агрессии заключенное с Византией соглашение, по которому империя признала себя вассалом османского султана, прежний опыт военного противостояния с греками, а также сложная внешнеполитическая ситуация на Балканах. Однако угроза османского нападения на византийскую столицу оказала влияние на переговоры греческой делегации с папством. Вопрос отправки папством и Венецией кораблей на помощь Константинополю активно обсуждался в течение года. Даже когда вопрос оказания экстренной помощи городу потерял свою остроту, он не ушел из политической повестки переговоров на соборе. Греки продолжали разыгрывать «турецкую карту», стремясь подвигнуть папство перейти от обещаний к решительным действиям и продемонстрировать политическую волю в вопросе оказания реальной военной помощи Византийской империи.

Ключевые слова: Поздняя Византия; турки-османы; Константинополь; Иоанн VIII Палеолог; Мурад II; Георгий Сфрандзи; Сильвестр Сиропул.

Цитирование: *Куш Т. В.* Несостоявшийся османский поход на Константинополь в 1438 г. // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2018. Т. 20. № 4 (181). С. 140–151.

Поступила в редакцию 10.09.2018

Принята к печати 15.11.2018

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00091 «Турецкие осады поздневизантийских городов: особенности функционирования городского социума в ситуации междивизантийского конфликта».

© Куш Т. В., 2018

Tatiana V. Kushch*Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia***THE FAILED OTTOMAN CAMPAIGN OF CONSTANTINOPLE IN 1438**

This article considers the history of the campaign of Ottoman Sultan Murad II to Constantinople that failed in 1438. The study is based on the reports of Byzantine historians Georgios Sphrantzes and Sylvestre Syropulos and Castilian traveller Pero Tafur. Based on an analysis of the sources, the author describes the Byzantine-Ottoman relations in the 1430s and defines the role of the Turkish factor in the context of negotiations between Byzantium and the West about the unification of churches. The study demonstrates that the Ottomans planned an attack on Constantinople in 1438 in order to thwart the Uniate negotiations. The departure of Emperor John VIII Palaiologos to the Council of Ferrara-Florence in November 1437 displeased the sultan, who feared a political rapprochement of the Greeks with Western countries. According to sources, the campaign did not take place, because grand vizier Halil-Pasha convinced the Sultan to abandon this plan. The author of the article suggests that Murad II was stopped from aggression by the agreement with Byzantium, under which the Empire recognised itself as a vassal of the Ottoman sultan, the previous experience of military confrontation with the Greeks, as well as the difficult foreign policy situation in the Balkans. However, the threat of an Ottoman attack on the Byzantine capital influenced the negotiations of the Greek delegation with the papacy. The issue of sending ships to the aid of Constantinople by the papacy and Venice was being actively discussed throughout the year. Even when the issue of providing emergency assistance to the city lost its urgency, he did not leave the political agenda of negotiations at the Council. The Greeks continued to play the “Turkish card” in an effort to make the papacy move from promises to decisive action and demonstrate the political will to provide real military assistance to the Byzantine Empire.

Key words: Late Byzantium; Ottomans; Constantinople; Joannes VIII Palaiologos; Murad II; Georgios Sphrantzes; Sylvestre Syropulos.

Acknowledgements

The study was funded by the *Russian Foundation for Basic Research* as part of research project 18-09-00091 “Turkish Sieges of Late Byzantine Cities: The Functioning of Urban Society in Situations of Intercivilizational Conflicts”.

Citation: Kushch, T. V. (2018). Nesostoiavshiisia osmanskii pokhod na Konstantinopol' v 1438 g. [The Failed Ottoman Campaign of Constantinople in 1438]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 20, 4 (181), 140–151.

Submitted on 10 September, 2018

Accepted on 15 November, 2018

Константинополь, столица Византийской империи на протяжении всей ее истории, был для ромеев не просто главным городом государства. Он являлся символом самой империи — неслучайно Византию иногда называли

Константинополитанией [Fenster, p. 316]. Для поздневизантийского времени, когда территории ромейского государства, зажатые в тиски османских владений, сократились до катастрофически малых размеров, такое восприятие столицы приобрело еще большую актуальность, перестав быть исключительно красивой метафорой. Константинополь отныне в буквальном смысле олицетворял само государство. Политический деятель и интеллектуал Димитрий Кидонис заметил в 1391 г., что «осталась от нее (родины. — *Т. К.*) только одна столица, подобно голове, отделенной от туловища» [Démétrius Cydonès, ep. 436.22–23]. С судьбой града Константина теперь напрямую была связана и судьба некогда великой державы — падение ромейской столицы значило бы и конец истории самой империи. Так, собственно, и произошло.

В ходе растянувшегося на столетие османского завоевания Византии Константинополь пережил несколько осад, последняя из которых завершилась захватом турками в 1453 г. византийской столицы и крахом империи¹. Первая же попытка захватить город была предпринята османами еще в 1394 г. На протяжении восьми лет турки держали его в кольце, так и не решившись атаковать [Bernicolas-Hatzopoulos, p. 39]. В течение этой продолжительной осады они то ослабляли блокаду, то усиливали ее. Османы отступили от города лишь после того, как их султан Баязид I (1389–1402) потерпел поражение от Тимура в битве при Анкаре в 1402 г. [Hatzopoulos, p. 108–109]. Еще одну попытку с ходу захватить византийскую столицу предпринял в 1411 г. Муса, один из претендентов на османский престол в период династической смуты. Однако наиболее серьезную опасность представляла осада, которую летом 1422 г. начал султан Мурад II (1421–1444, 1446–1451). Собрал значительные силы под стенами византийской столицы, он попытался взять ее штурмом 24 августа 1422 г., но был отброшен защитниками города, оказавшими ему упорное сопротивление [Кущ, с. 263–268]. Внутренние проблемы заставили тогда султана снять осаду и увести войска в Анатолию. Заключенный в феврале 1424 г. договор, по которому Византия обязалась вернуть туркам территории на побережье Мраморного и Черного моря и платить ежегодную дань, составлявшую 30 000 серебряных монет [Ducas, XXIX, 1; Dölger, № 3414; Iliescu, p. 432], закрепил вассальную зависимость империи от османов, из которой она уже не смогла выйти до самого конца своего существования [Necipoğlu, p. 35–36]. Мурад, вероятно, не оставил мысли подчинить Константинополь, чтобы соединить свои балканские и малоазийские владения. Но осуществить эти планы было суждено лишь его сыну и преемнику Мехмеду II Завоевателю (1444–1446, 1451–1481) в 1453 г. Впрочем, этому последнему штурму предшествовала еще одна задуманная, но не осуществленная попытка напасть на город, о которой и пойдет речь в настоящей статье.

Мы располагаем сообщениями византийских авторов — современников событий — о турецких планах нанести в 1438 г. удар по Константинополю.

¹ История последней осады Константинополя имеет обширную библиографию, см.: [Philippides, Hanak, p. 678–713; Constantinople 1453, p. 1315–1352].

О подготовке Мурада II к нападению на греческую столицу упоминают историк Георгий Сфрандзи и хронист Ферраро-Флорентийского собора Сильвестр Сиропул². Георгий Сфрандзи, находившийся в столице и непосредственно участвовавший в обсуждении сложившейся ситуации, описал, как восприняли в Константинополе тревожные новости и какие меры в этой связи предприняли местные власти. Сиропул же, входивший в состав греческой делегации на униатском соборе, поведал о реакции императора и его свиты на известие о готовящемся турецком нападении. Их свидетельства дают возможность не только охарактеризовать византийско-османские отношения того периода, но и оценить роль турецкого фактора в контексте униатских переговоров Византии с Западом.

27 ноября 1437 г. император Иоанн VIII Палеолог (1425–1448) вместе с греческой делегацией, насчитывавшей около 700 человек [Leontiades, S. 353], отбыл в Феррару для заключения унии церквей [Syropoulos, p. 198.2], оставив столицу на попечение своего брата, деспота Константина³. Кастильский путешественник Перо Тафур, находившийся в тот момент в Константинополе и наблюдавший за отбытием греческой делегации, через несколько дней после отъезда Иоанна VIII отправился в Адрианополь (Эдирне), где его тут же вызвали к султану, пожелавшему услышать последние новости из Византии. Как пишет Тафур, «Турок прислал за мной, чтобы узнать, когда и как уехал император, с какой свитой, на каких кораблях» [Перо Тафур, с. 153]. Двор султана был хорошо осведомлен о том, что происходило в ромейской державе, получая свежие новости, в том числе от торговцев и путешественников.

Согласно Сфрандзи, после отъезда василевса в ставку султана начал обсуждаться вопрос о походе на Константинополь. Мурад II, как пишет византийский историк, принял решение нанести военный удар и нарушить таким образом политические планы Иоанна VIII: когда «император вышел из Города и уехал, эмир пожелал напасть на Город, отправив против него войско, не настолько многочисленное, чтобы овладеть им, но настолько, чтобы заставить василевса повернуть назад» [Georgii Sphrantzae, p. 84.12–13].

По словам византийского историка, султан не рассчитывал долго осаждать город, а замыслил кратким набегом вынудить императора вернуться из Италии, сорвав тем самым заключение унии. Идея султана нашла поддержку у его окружения, за исключением одного приближенного — великий визирь Халил-паша охладил пыл Мурада и привел доводы, заставившие того отказаться от подобного плана. Обратим внимание на фигуру великого визиря. Халил-паша был противником конфронтации с византийцами и всегда стремился сохранять с ними

² Мы цитируем источник в нашем переводе со среднегреческого языка по изданию Р. Маисано [Georgii Sphrantzae]. Существует русский перевод «Хроники» Георгия Сфрандзи, выполненный Е. Д. Джагацпаян [Георгий Сфрандзи]. Ссылки на «Воспоминания» Сильвестра Сиропула приводятся в нашем переводе по изданию В. Лорана [Syropoulos]. В русском переводе это сочинение издано А. Занемонцем [Сильвестр Сиропул].

³ Будущий император Константин XI (1448–1453). Как пишет Сиропул, Константин «стал правителем в Городе в отсутствие императора» [Syropoulos, p. 172.10].

мирные отношения [Inalcik, p. 106]. Именно по обвинению в грекофильстве он и будет по приказу Мехмеда II Завоевателя казнен в 1453 г. [Werner, S. 278, 283].

Каковы же были доводы великого визиря, возразившего против идеи напасть на ромейскую столицу? Сфрандзи вкладывает в его уста следующие слова, обращенные к султану: «Это скорее станет причиной того, что василевс, если ты нападешь на Город, будет вынужден сказать из необходимости франкам: “Я согласен с тем, что вы говорите”. И вот произойдет именно то, чего мы опасаемся. Поэтому оставь это и посмотри, что тот будет делать» [Georgii Sphrantzae, p. 84.17–19]. Халил-паша, таким образом, выразил опасение, что нападение на Константинополь может вызвать эффект, противоположный желаемому, и ускорит заключение унии, сделав Иоанна VIII более сговорчивым на переговорах с Западом. Кроме того, великий визирь привел еще один довод, напомним, что византийского императора связывал с турками мирный договор, нарушение которого позволило бы султану действовать с позиции силы: «Но если они придут к согласию, ты имеешь с ними мирный договор с клятвами: отныне ты со своей стороны будешь поступать, как пожелаешь» [Ibid., p. 84.19–21]. Очевидно, речь идет об упомянутом выше соглашении 1424 г., по которому Византия признавала свою зависимость от османов и обязывалась не действовать против их интересов. Судя по всему, империя данные туркам обещания выполняла и не вмешивалась в балканские дела Мурада II, который активно действовал против Сербии, Албании и Венгрии [Werner, S. 257–259].

То, что византийцы сохраняли приверженность взятым на себя вассальным обязательствам, подтверждает и тот факт, что, готовясь к поездке на собор, император информировал османов о своем намерении. Незадолго до отъезда греческой делегации осенью 1437 г. ко двору султана прибыл посол Андроник Ягр⁴, который передал заверения императора в дружбе и верности османам, а также сообщил о решении Иоанна VIII отправиться на собор [Georgii Sphrantzae, p. 84.2–4]. Показательна реакция турок, последовавшая на это сообщение. Сильвестр Сиропул передает слова визиря (уж не Халил-паши ли?): «Что заставляет императора отправиться к латинянам? Если он в чем-то нуждается, то пусть скажет, и повелитель позаботится о том. От повелителя он получит лучшую заботу, нежели от латинян, и императору принесет больше пользы дружба с эмиром, чем с латинянами» [Syropoulos, p. 182.12–15]. Сфрандзи также пишет о недовольстве османского правителя решением василевса ехать на собор и готовности султана дать ромеям денег, если те испытывают финансовые затруднения [Georgii Sphrantzae, p. 84.4–7]. И Сфрандзи, и Сиропул отмечают главное в реакции султана: тот выказал недовольство решением василевса отправиться на Запад и продемонстрировал свое превосходство, выставив вассала нуждающимся в подачках.

Византийцы же пытались убедить Мурада II в том, что речь идет исключительно о религиозном объединении двух христианских церквей. Турки,

⁴ Сиропул сообщает, что послом был Павел Асан [Syropoulos, p. 182.11].

обеспокоенные униатскими усилиями византийцев, безусловно, стремились не допустить объединения не столько церквей, сколько политических усилий Византии и Запада в противостоянии османскому натиску. Мурад отчетливо понимал, что византийцы смогут рассчитывать на какую-то помощь от западных правителей, если церковная уния будет заключена [Werner, S. 250], чему, безусловно, он хотел помешать. Обратим также внимание на замечание Сфрандзи о том, что византийцы долго совещались, стоит ли послушаться султана и отказаться от поездки или же следует отправиться на собор наперекор воле Мурада: «...и было много слов и советов поступить ли так, как сказал эмир, или уехать на собор; и сделали так, как хотел василевс или, точнее, злая судьба» [Georgii Sphrantzae, p. 84.7–10]. Очевидно, своим решением отбыть в Италию император нарушал договоренности, и его опасения по поводу гнева султана имели под собой основания.

Возвращаясь к сообщению Сфрандзи, отметим, что Халил-паша в оценке греков предстает сторонником сохранения достигнутых когда-то мирных договоренностей. Он действительно представлял те силы при султанском дворе, которые не желали на данном этапе военной конфронтации с империей. Именно его позиция и приведенные им аргументы, согласно Сфрандзи, охладили пыл султана и заставили отказаться от военной диверсии. И все же не только доводы Халил-паши стали причиной принятия такого решения. Мурада II останавливал и горький опыт военного противостояния с ромеями, и заключенное соглашение с Византией, которое давало ему возможность говорить с империей с позиции силы, и внешнеполитические проблемы на Балканах, не позволявшие предпринять какие-то активные действия против Константинополя.

Но пока весть о благоприятном для византийцев исходе дел не достигла Константинополя, ромеи жили в тревожном ожидании. Вероятно, пик угрозы вторжения пришелся на март-апрель 1438 г. Что давало грекам повод думать, что осада неминуема? Очевидно, идея напасть на Константинополь, пользуясь отсутствием императора, неоднократно обсуждалась османами, о чем ромеев могли извещать информаторы, находившиеся при султанском дворе. Не исключено, что турки также предприняли какие-то практические шаги, готовясь к походу. Судя по всему, они неоднократно посылали угрозы городу и своими действиями сеяли страх и панику среди столичных жителей. Интересное свидетельство о стычке ромеев с турками под стенами византийской столицы приводит Перо Тафур, находившийся в Константинополе в течение февраля-марта 1438 г. по обратной дороге из Северного Причерноморья. Он оказался очевидцем того прохода мимо столицы турецких войск: «В это время Турок должен был направиться в одно место на Великом (Черном. — Т. К.) море, и прошел он мимо Константинополя, а деспот и жители Перы подумали, что хочет он захватить их земли, приготовились, взяли за оружие; и прошел Великий турок рядом со стеной, и даже были в тот день стычки, но рядом со стеной, и прошел он с большим войском... В этот день отправили ему из Константинополя хороший подарок, который отвезли туда, где была у него в этот день ставка. Задержался я из-за этого его прихода,

думая, что хочет он осадить Константинополь, но он не задержался там и продолжил свой путь к Великому морю, где отложились какая-то из его земель; и хотя мне хотелось бы, хоть и было у нас мало людей, чтобы заставил он нас помериться силами, но приятно было наблюдать, не подвергая себя опасности и труду, как проходит он со столь большим войском» [Перо Тафур, с. 184–185]. Очевидно, что турки не намеревались атаковать Константинополь, но, следуя по своим делам, они мимоходом навели ужас на ромеев, устроив несколько стычек с ними неподалеку от городских стен. Подобная ситуация повторилась и весной 1439 г., когда султан, отправляясь в поход против сербов, пообещал вернуться и напасть на Константинополь, вынудив напуганных греков отправить гонцов к императору в Италию [Sygroulos, p. 396.17–18; Ёурић, с. 339].

О высокой вероятности нападения османов весной 1438 г. говорит и то, что в венецианских владениях в Эгеиде также ожидали турецкой атаки на Константинополь [Sygroulos, p. 272.24–25]. Прибывшая 1 мая 1438 г. в Венецию галера с Крита привезла известие о готовящемся походе султана и намерении венецианских купцов укрыться от опасности в Пере [Jorga, p. 35, n. 3]. Все эти сообщения убеждают в том, что ромеи воспринимали угрозу османского нападения как реальную, и на то у них были все основания.

Правящая верхушка во главе с деспотом Константином, которому Иоанн VIII поручил управление городом, вынуждена была действовать незамедлительно, о чем и сообщает Сфрандзи. В Италию отправились Мануил Дисипат и Марк Ягарис⁵, опытные дипломаты, которые должны были известить императора о готовящемся вторжении, а по дороге еще и провести с Венецией переговоры о помощи. Вероятно, посольство покинуло город где-то в конце апреля — начале мая 1438 г., ибо уже 24 мая венецианский Сенат вынес свое решение, отвечая на просьбы, изложенные византийскими послами [Thiriet, № 2472].

Только когда посольство отбыло из Константинополя, в столицу пришла весть о том, что угроза миновала. Сфрандзи заканчивает свой рассказ об этих событиях следующим образом: «До того, как мы узнали о совете, данном Халил-пашой, но знали советы других, мой повелитель деспот и архонты снарядили Фому Палеолога и отправили к василевсу. И у жителей Города были огромные сомнения и волнения до тех пор, пока мы не узнали о возымевшем действие совете Халил-паши» [Georgii Sphrantzae, p. 84.7–10; Георгий Сфрандзи, с. 209, § 11]. Итак, по свидетельству Сфрандзи, угроза нападения турок воспринималась в столице как неотвратимая, поэтому местные власти без промедления предприняли все необходимые меры, чтобы своевременно информировать о происходящем императора и заручиться военной помощью венецианцев. Не исключено также, что из Константинополя могли последовать и инструкции агентам при турецком дворе. Такая активность подтверждает тот факт, что вероятность

⁵ И. Леонтиадес, однако, полагает, что присутствие Марка Палеолога Ягариса на соборе не подтверждено источниками [Leontiadēs, S. 363].

турецкой атаки сами византийцы оценивали как крайне высокую. Город перевел дух, когда стали известны все подробности благополучного исхода.

Тем временем вести об ожидаемом турецком вторжении в византийские земли достигли Италии. Отправленные деспотом Константином послы прибыли в Венецию и обратились с просьбой к Сенату предоставить три галеры для усиления защиты Константинополя [Thiriet, № 2472]. Сенат, рассмотрев просьбу на заседании 24 мая 1438 г., ответил, что республика Св. Марка готова отправить галеры, но расходы на их вооружение должны взять на себя папа римский и василевс ромеев. Кроме того, хотя командовать галерами должны были венецианские командоры, идти им следовало под знаменами византийского императора [Ibid.]. Венецианцы, как мы видим, опасались открыто выступать против султана, предпочитая закамуфлировать свое возможное участие в войне с турками. Сиропул подтверждает, что венецианцы боялись навлечь на себя немилость султана. С его слов, приближенные папы заявили следующее: «Блаженнейший папа склонен оказать помощь Городу, но кто знает, дадут ли венецианцы галеры? Ибо они деловые люди, имеют много дел и людей на Западе и на Востоке, и они непременно побоятся дать галеры, чтобы, когда эмир услышит об этом, не настроить его против себя и не получить от него значительный вред» [Sygroulos, p. 276.25–29]. Судя по тому, что спустя год (30 июня 1439 г.) Сенат вновь обсуждал этот вопрос и подтвердил готовность вооружить три галеры для защиты Константинополя [Thiriet, № 2500], венецианцы не торопились отправлять свои корабли на помощь империи, а папа и император так и не внесли плату на их снаряжение.

До греческой делегации известия о готовящемся походе дошли к концу мая 1438 г. По сообщению Сильвестра Сиропула, «венецианцам писали с Эноса, Митилены, Хиоса, Крита, Эврипа и отовсюду, что эмир снаряжает 150 судов и 150 тысяч воинов и идет против города» [Sygroulos, p. 272.54–274.1]. Приведенные Сиропулом цифры⁶ слабо согласуются с замечанием Сфрандзи о «войске, не столь многочисленном», которое константинопольцы ожидали увидеть под стенами своей столицы. Согласно Сиропулу, первыми, кто известил императора об опасности, были венецианцы [Ibid., p. 274.1–2], пристально следившие за ситуацией в зоне их торговых интересов. Вскоре тревожные новости пришли и из столицы: «После прибыли и письменные послания из Города, сообщающие о том же и требующие, чтобы император и патриарх позаботились о скорейшем получении мощной помощи» [Ibid.]. Вероятно, это указывает на прибытие послов, которые доставили вести о результатах переговоров с Венецией и их условиях. Император через кардиналов попросил папу без промедления оказать помощь, ссылаясь на предварительные договоренности, которые должны были

⁶ Как замечает В. Лоран, сведения Сиропула выглядят фантастичными, так как даже накануне захвата Константинополя в 1453 г. турецкая армия была в несколько раз меньше [Sygroulos, p. 273, n. 2]. Столь же завышенные цифры приводит Тафур — он видел в Адрианополе войско султана, которое, как ему сказали, насчитывало 600 тысяч всадников [Перо Тафур, с. 153].

гарантировать безопасность покинутой столицы. Еще на этапе подготовки собора между папским престолом и василевсом было заключено соглашение (декрет, как его на латинский лад называет Сиропул), по которому в случае угрозы со стороны турок папский престол обещался направить в Константинополь суда, пока греческая делегация находится в Италии [Syropoulos, p. 274.8–9]. Настаивая на выполнении этих обещаний, византийская делегация стала торговаться о количестве галер, которые должен снарядить папский престол. Поначалу византийский император настаивал на предоставлении четырех или, по крайней мере, трех галер (и это против 150 турецких галер!), затем речь шла уже только о двух кораблях [Ibid., p. 274.10–14]. Император подключил опытных переговорщиков Филантропина и Дисипата, которые ежедневно посещали папу и просили у него обещанную помощь [Ibid., p. 274.14–16]. Очевидно, что такое количество кораблей не способно было защитить город в случае военной атаки турок, но их отправка гарантировала выполнение папской стороной данных обещаний.

Насколько серьезно император и его окружение восприняли новость о возможном нападении Константинополя, свидетельствует рассказ Сиропула о встрече василевса с членами греческой делегации, на которой речь шла о сборе средств для найма судов в помощь соотечественникам. Император заявил о своей готовности выделить деньги для снаряжения одной галеры и потребовал, чтобы «состоятельные люди дали теперь ради помощи отечеству» [Ibid., p. 276.1–3]. Вышние иерархи согласились выделить из своего имущества какие-то средства, сославшись, правда, на их недостаток в походных условиях пребывания в Италии. Так, четверо архиереев выделило по 50 иперперов, один митрополит передал одну мантию из двух имевшихся, а митрополит Никейский Виссарион пожертвовал два драгоценных кубка из трех, которые он захватил с собой в поездку [Ibid., p. 276.9–16]. К великому разочарованию императора, собранных с высшего духовенства пожертвований не хватило бы даже на отставку одной галеры [Ibid., p. 276.17–28].

Папский же престол не торопился выполнять договоренности. Только спустя месяц понтификом были предприняты хоть какие-то действия, направленные на организацию военной помощи империи. Как пишет Сиропул, после месяца просьб и уговоров папа распорядился предоставить две галеры, которые должны были быть снаряжены в Венеции [Ibid., p. 276.23–25]. Однако полученное от папы обещание не было реализовано, несмотря на отставку в Венецию папских представителей, задачей которых было урегулировать с республикой все финансовые вопросы. Более того, когда переговоры с венецианцами затянулись, папские посланники уехали восвояси [Ibid., p. 278.5–6].

Спустя год Сиропул горько констатировал, что папский престол так и не оказал византийской столице помощь. Благополучный исход хронист связывал, в духе провиденциалистского мироощущения, лишь с заступничеством божественных сил: «Наш Город сохранил невредимым Господь, обративший в другую сторону помыслы эмира и сберегший его (Константинополь. — Т. К.) от вреда, и, как всегда, он устоял благодаря Его помощи» [Ibid., p. 278.19–21]. Во время

униатских переговоров греческая делегация ни на мгновение не забывала о возможности турецкого вторжения. Когда в начале 1439 г. переговоры приняли затяжной характер, некоторые греческие делегаты обратились с призывом к патриарху ускорить принятие решения: «Какую пользу приносит то, что мы здесь бездействуем и страдаем, когда Город, наше отечество, подвергается опасности? Кто знает, не замышляет ли эмир выступить против Города грядущей весной?» [Syropoulos, p. 356.8–10]. Члены делегации напоминали главе православной церкви о том, что в Италию их привела как раз забота о безопасности Константинополя, но выражали опасение, что из-за нерешительности греков все это дело обернется против их же отечества [Ibid., p. 356.11–12].

Тема отправки кораблей на помощь Константинополю активно обсуждалась на соборе с конца весны на протяжении нескольких месяцев, а затем в течение следующего года периодически вновь и вновь всплывала на переговорах с папской курией. Знали ли греческие делегаты о том, что Мурад II отказался от идеи атаковать византийскую столицу и как быстро до них дошла эта весть? Конечно, знали: вести с родины поступали к ним своевременно. Очевидно, что об отказе султана атаковать Константинополь довольно быстро проводили и в Италии. Но даже когда вопрос оказания экстренной помощи городу, находящемуся под угрозой осады, потерял свою остроту, он не ушел из политической повестки переговоров на соборе. Сам факт угрозы турецкого вторжения в ромейские пределы вынуждал греков настаивать на выполнении папской стороной данных накануне собора обязательств обеспечить безопасность столицы на время отсутствия императора в греческих землях. Так, ромеи продолжали разыгрывать «турецкую карту», стремясь подвинуть папство перейти от слов и обещаний к решительным действиям и продемонстрировать политическую волю в вопросе оказания реальной военной помощи Византийской империи, которую римский престол пытался склонить к унии.

Источники

Георгий Сфрандзи. Хроника / предисл., пер. и примеч. Е. Д. Джагацпанян // Кавказ и Византия. 1987. Вып. 5. С. 156–251.

Перо Тафур. Странствия и путешествия / пер., предисл. и коммент. Л. К. Масиеля Санчеса. М. : Индрик, 2006.

Сильвестр Сиропул. Воспоминания о Ферраро-Флорентийском соборе (1438–1439) : в 12 ч. / пер. с греч., вступ. ст., коммент. и указатели диакона А. Занемонца. СПб. : Изд-во Олега Абышко : Университетская книга — СПб, 2010.

Démétrius Cydonès. Correspondance / publ. par R.-J. Loenertz. Città del Vaticano : Biblioteca apostolica Vaticana, 1960. (Studi e testi ; 208). Vol. 2.

Ducas. Istoria Turco-Byzantina (1341–1462) / ed. V. Grecu. Bucarest : Editura academiei republicii populare Romine, 1958.

Georgii Sphrantzae Chronicon / ed. R. Maisano. Roma : Accademia nazionale dei lincei, 1990.

Syropoulos — Les “Mémoires” du grand ecclesiarque de l’Eglise de Constantinople Sylvestre Syropoulos sur le Concile de Florence (1438–1439) / ed. V. Laurent. Rome : Pontificium institutum orientalium studiorum, 1971.

Исследования

Куц Т. В. Турецкая осада и штурм Константинополя 1422 года: военно-политический аспект // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22. № 5. С. 261–270. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.5.24>

Ђурић И. Сумрак Византије. Време Јована VIII Палеолога. 1392–1448. Београд: Народна књига, 1984.

Bernicolas-Hatzopoulos D. The First Siege of Constantinople by the Ottomans (1394–1402) and its Repercussions on the Civilian Population of the City // *Byzantine Studies*. 1983. T. 10. Pt.1. P. 39–51.

Constantinople 1453. Des Byzantins aux Ottomans. Texts et documents / ed. V. Déroche, N. Vatin. Toulouse: Anacharsis Edition, 2016.

Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches. München; Berlin: Verl. C. H. Beck, 1965. Bd. 5.

Fenster E. Laudes Constantinopolitanae. München: Institut für Byzantinistik u. neugriechische Philologie der Univ., 1968. (Miscellanea Byzantina Monacensia; 9).

Hatzopoulos D. Le premier siege de Constantinople par les Ottomans (1394–1402). Montréal: [s. n.], 1995.

Iliescu O. Le montant du tribute payé par Byzance l'Empire Ottoman en 1379 et 1424 // *Revue des Etudes Sud-Est Européennes*. 1971. Vol. 9. P. 427–432.

Inalcik H. Ottoman Methods of Conquest // *Studia Islamica*. 1954. T. 2. P. 103–129.

Jorga N. Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XV-e siècle. Paris: Ernest Leroux, 1902. Vol. 3.

Leontiadis J. Die griechische Delegation auf dem Konzil von Ferrara-Florenz. Ein prosopographische Skizze // *Annuario historiae conciliorum*. 1989. Vol. 2. S. 353–369.

Necipoglu N. Byzantium between the Ottomans and the Latins. Politics and Society in the Late Empire. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2009.

Philippides M., Hanak W. K. The Siege and the Fall of Constantinople in 1453: Historiography, Topography, and Military Studies. Farnham: Ashgate, 2011.

Thiriet Fr. Régestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Romanie (1329–1379). Paris: Mouton & Co, 1961. Vol. 3.

Werner E. Die Geburt einer Großmacht — die Osmanen (1300–1481). Weimar: Hermann Böhlhaus Nachfolger, 1985.

References

Bernicolas-Hatzopoulos, D. (1983). The First Siege of Constantinople by the Ottomans (1394–1402) and its Repercussions on the Civilian Population of the City. *Byzantine Studies*, 10, 1, 39–51.

Déroche, V., & Vatin, N. (Eds). (2016). *Constantinople 1453. Des Byzantins aux Ottomans. Texts et documents*. Toulouse: Anacharsis Edition. (In French)

Djuric, I. (1984). *Sumrak Bizantije. Vreme Jovana VIII Paleologa. 1392–1448* [The Twilight of Byzantium. Time of Joannes VIII Palaiologos. 1392–1448]. Beograd: Narodna kniga. (In Serbian)

Dölger, F. (1965). *Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches* (Vol. 5). München; Berlin: Verlag C. H. Beck. (In German)

Fenster, E. (1968). Laudes Constantinopolitanae. *Miscellanea Byzantina Monacensia*, 9. München: Institut für Byzantinistik u. neugriechische Philologie der Univ. (In German)

Hatzopoulos, D. (1995). *Le premier siege de Constantinople par les Ottomans (1394–1402)*. Montréal: [s. n.]. (In French)

Iliescu, O. (1971). Le montant du tribute payé par Byzance l'Empire Ottoman en 1379 et 1424. *Revue des Etudes Sud-Est Européennes*, 9, 427–432. (In French)

Inalcik, H. (1954). Ottoman Methods of Conquest. *Studia Islamica*, 2, 103–129.

Jorga, N. (1902). *Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XV-e siècle* (Vol. 3). Paris: Ernest Leroux. (In French)

Kushch, T. V. (2017). Turetskaia osada i shturm Konstantinopolia 1422 goda: voenno-politicheskii aspekt [The Ottoman Siege and Assault of Constantinople in 1422 AD: Its Military and Political Aspect]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 22, 5, 261–270. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.5.24> (In Russian)

Leontiades, J. (1989). Die griechische Delegation auf dem Konzil von Ferrara-Florenz. Ein prosopographische Skizze. *Annuaire historiae conciliorum*, 2, 353–369. (In German)

Necipoglu, N. (2009). *Byzantium between the Ottomans and the Latins. Politics and Society in the Late Empire*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Philippides, M., & Hanak, W. K. (2011). *The Siege and the Fall of Constantinople in 1453: Historiography, Topography, and Military Studies*. Farnham: Ashgate.

Thiriet, Fr. (1961). *Régestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Romanie (1329–1379)* (Vol. 3). Paris: Mouton & Co. (In French)

Werner, E. (1985). *Die Geburt einer Großmacht – die Osmanen (1300–1481)*. Weimar: Hermann Böhlau Nachfolger. (In German)

Кушч Татьяна Викторовна

доктор исторических наук,
заведующий кафедрой истории
Древнего мира и Средних веков
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина 51
E-mail: tkushch@yandex.ru

Kushch, Tatiana Viktorovna

Dr. Hab. (History), Head of the Department
of the History of the Ancient World
and the Middle Ages
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
Email: tkushch@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9097-5466